

НЕОТВРАТИМЫЙ ЭРОТИЗМ БЫТИЯ

КОМЕДИЯ ФАРС

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

1. ПРОКОПЬИЧ. Студент с почти пепельными волосами.
2. НИНА. Студентка.
3. ВАЛЯ. Студентка. Жена Бориса.
4. БОРИС. Студент.
5. ВАСЕК. Студент.
6. ЧУВАЧОК. Студент.
7. КОЛЯ СУШКОВ. Студент.
8. ЧАРУЕВ. Студент. Симпатичный бурятик.
9. АРКАША. Часть той силы.
10. МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Проверяющая из обкома КПСС.
11. АННА АНТОНОВНА. – Проверяющая из обкома КПСС.
12. ИГОРЬ ИВАНОВИЧ. – Проверяющий из обкома КПСС.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Довольно задрюпанная комната в студенческом общежитии. В середине стол. На нем, навалом, книги, две бутылки из под портвейна, невымытые стаканы, пепельница, полная окурков, остатки бутербродов. Справа и слева в комнате, в ряд, по две кровати. На одной лежат под одеялом Борис с Валей, по диагонали от них валяется в свитере и брюках Прокопьяч.

ПРОКОПЬИЧ. – Вы вообще историю марксизма – ленинизма сдавать собираетесь? А, Борь? У нее не спрашиваю...

ВАЛЯ.- Это почему это – у нее не спрашиваю? Что за базар, Прокопьяч?

ПРОКОПЬИЧ (*он аж приподнялся, облокотился на одну руку*). – А ты что, хочешь сказать, что тебя интересует эта история?

ВАЛЯ. – Интересует?! Да я оргазм испытываю, когда ее читаю!

ПРОКОПЬИЧ (*с досадой*). – Тьфу ты!

БОРИС (*усмехается*). – Че, Прокопьяч, не нравится такой социалистический реализм? А другого мы для тебя не припасли, уж извини.

ПРОКОПЬИЧ. – Ладно. Посмотрим, как вы все это Римме Фирсовне излагать будете. Так сказать, свой юношеский нигилизм выплескивать.

БОРИС. – Да ладно. Запугал совсем ты этой Риммой Фирсовной. Что она, не человек, что ли? Человек, и еще какой человек! Я бы с такой кормой только в постели экзамены принимал.

ПРОКОПЬИЧ. – Борька, перестань болтать. Что за язык такой! Она же преподаватель! А ты – студент! У тебя по поводу ее...кормы... и в мыслях ничего такого быть не должно...

БОРИС (*лениво*). – Эх, Прокопийч! Всю нашу научную библиотеку уже прошерстил вдоль и поперек, а ума так и не набрался. Да у нее в глазах, у этой Риммы Фирсовны, немой укор постоянный – че вы, скубенты, ко мне не пристаєте? Чего ждете? Я сегодня как раз трусики в горошек надела...

ВАЛЯ. – Правда?

БОРИС. – Святая, коммунистическая правда!

ВАЛЯ. – Нет, ну понятно...(на миг задумывается) А откуда такие подробности?

БОРИС. – Какие подробности?

ВАЛЯ. – Ну, про эти...Про трусы в горошек...

БОРИС. – Ну, это просто. Творческие озарения, катарсисы, метафорическое мышление... Горошек цветной, кстати.

ВАЛЯ. – А вот если по этой тылке твоей волосатой настучать чем-нибудь, может, озарения прекратятся?

ПРОКОПЬИЧ (*встает*). – Да ну вас на фиг. Пошел я в столовую, сметану лакать. На вас брать?

ВАЛЯ. – Брать конечно.

БОРИС. – Прокопийч, сметана это хорошо. Но и за пивом не грех бы мотануться, а?

Прокопийч. – Я схожу за пивом. Но только при одном условии – вы за это время прочитаете...

Он берет из валяющихся на столе книг учебник, на глаз показывает им количество страниц.

ПРОКОПЬИЧ. – Вот столько.

БОРИС. – Да о чем разговор, дружище? Мы и больше прочитаем.

ВАЛЯ. – Да не буду я читать эту херню.

БОРИС. – А какие слова говорила : оргазм, туда-сюда... Не слушай ее, брат. Иди себе спокойно. Сказал – прочитаем, значит прочитаем. Прокопийч, вон, в шкафу, банка трехлитровая под пиво, не забудь.

ПРОКОПЬИЧ (*ворчит*). – С вами забудешь...себе дороже.

БОРИС. – Иди, иди, старче. Не тормози процесс.

Прокопийч выходит. Борис и Валя занимаются под одеялом любовью. В комнату без стука заходит Васек.

ВАСЕК. – Ну, ну. Любимое дело, понимаю. Я, собственно (*он берет бутылку из под портвейна*) с одним сакраментальным вопросом : ниче нигде не заныкали вчера? А то, что то, не по себе, как то.

БОРИС (*натягивает под одеялом спортивные трусы и встает. У него отличная фигура спортсмена. Подходит к низкорослому Ваську*). – Вот ты жалуешься, что тебя все время кто-нибудь тырит. А не понимаешь, почему – все время?

ВАСЕК (*встает в боксерскую стойку*). – Че такое?!

БОРИС (*удрученно машет рукой*). – А! Ну, чего раскорячился? Выйди, не видишь, Вальке встать нужно.

ВАСЕК. – Я че, мешаю, что ли? Пусть встает.

Борис молча выталкивает Ваську из комнаты. Валя встает, они одеваются.

ВАЛЯ. – Ты – то че его обижаешь? Я бы и при нем оделась, не облезла бы. А у Васьки теперь законный повод для пьянства появился.

БОРИС. – Гуманисты все, едрит твою налево...

ВАЛЯ. – И направо...

Одевшись, они подходят к столу. Смотрят на остатки «былой роскоши».

БОРИС. – Да... Погудели вчера.

В двери опять возникает голова Васька.

ВАСЕК. – Я вспомнил! Под Чурмандаховой койкой заначка! Войти дайте, поправимся!

БОРИС. – Ну, входи. Да мы, вообще-то, насчет поесть. Мы пива дождемся. Прокопьяч должен принести.

Васек заходит, лезет под одну из коек, достает початую бутылку водки, заткнутую хлебным мякишем. Пьет из горлышка, вертит башкой, урчит.

ВАСЕК. – Фуу... Ну все, полегчало. Ну что, будете?

ВАЛЯ. – Васек. Не будем, сказано же. Не приставай.

ВАСЕК. – Не приставай... Да ты еще не знаешь, как я пристаю!

БОРИС. – Ну что, жалельщица? Давай, давай. Сщас еще выпьет, ты и услышишь, как он пристаёт. Вчера Чурмандаха до белого каления довел. Уж на что бессловесный монгол у нас, а и тот не выдержал, дал ему леща. Ну, как тебе вчера монгол за свою Тую подзатыльников надавал? А?

ВАСЕК *(наливаясь злобой)*. – Правда, что ли? Вот нехристь! Ладно - ладно, уж я ему отомщу седня. Пусть только с пар придет. А Туя эта, орет, как резаная, всю общагу заводит. Это как, я спрашиваю? Ну не могут они молча заниматься этим делом, кочевники. Кто бы мог подумать? Где, где их погружение в нирвану, где мирозерцание покорное? Нет, через комнату слышно – «Ох, Чурмик! Ах, Чурмик! Не вздумай кончить, Чурмик!» Это, что ли, их внутреннее степное погружение? А мы, бедные советские студенты, должны все это молча слушать, что ли? Да поезжайте к себе в Гоби, и кончайте... и орите там, сколько угодно...

БОРИС. – Это все так. Ну а ты-то чем лучше? Ты хоть помнишь, что ты ему выдал?

ВАСЕК *(угрюмо)*. – Да че я, обязан, что ли, все помнить?!

ВАЛЯ. – И как Туя срифмовал не помнишь?

ВАСЕК *(осторожно)*. – А как? Ну, догадываюсь...

ВАЛЯ. – Правильно догадываешься... Туя, Туя, головка от... от того, что у тебя скоро вставать перестанет, если так водку пить будешь.

ВАСЕК. – Типун тебе на язык.

В комнату заходит Чувачок, жизнерадостный плотный парень 19 лет, с толстым журналом под мышкой. Бросается к столу, вертит в руках все ту же пустую бутылку из-под портвейна.

ЧУВАЧОК. – Тэк-с. Как и следовало ожидать. Ни капли. Никто никогда не удосужится о завтрашнем дне подумать. И как теперь, а?

Борис подходит к Чувачку, берет у него из под мышки журнал.

БОРИС. – Без паники, Чувачок. Скоро к нам пиво поступит, не пройдет и часа. Этого Прокопьяча, за смертью посылать. Так, что тут у нас?

ЧУВАЧОК. – Ирвин Шоу, «Вечер в Византии». Пересказать?

БОРИС. – Нет, ну зачем. Рекомендуешь?

ЧУВАЧОК. – Ну, для того, чтобы знать, кто и что сегодня пишет. А так, слабовато.

ВАСЕК. – Ниче не слабовато. Драма, однако. Драма сильно пьющего человека.

ЧУВАЧОК (*пожимает плечами*). – Можно, конечно, и так трактовать...

ВАСЕК. – Да только так. А что с дочкой переспал... Это их дикий мир виноват. Хотя, у меня, тоже, по пьяни, сосед вот так вот попал. Правда, с падчерицей. Чувачок, водку будешь?

ЧУВАЧОК (*стеснительно*). – Да я бы с удовольствием. Да через час коллоквиум на кафедре зарубежки. Нет, дождусь пива. А то, как в прошлый раз, начну всякую ерунду плести. Хорошо, препод попался человеческий. Выгнал сурово, якобы за то, что не знаю текста. Видел он, конечно, что во мне грамм триста болтается. Нет, конечно, не просто он так со мною толерантно... Знал, что Ерофеева у меня в подружках.

ВАСЕК. – Ерофеева - подружка! Чувачка!

Васек хохочет.

ВАСЕК. – Ну, уморил. Пойду, физикам эту байду расскажу.

Васек выходит из комнаты.

ВАЛЯ. – А причем тут Ерофеева?

Все ребята несколько секунд молча смотрят на Валью. Она растеряна.

ЧУВАЧОК (*смущенно*). – Что за вопрос, Валентина! Ерофеева – при всем! Особенно, ее четвертый размер!

ВАЛЯ. – А, ну если в этом смысле...

ЧУВАЧОК. – А какой еще может быть смысл в сочетании с Ерофеевой?!

ВАЛЯ. – Хорошо, поняла. Но все же – ну а ты – то тогда тут причем?

ЧУВАЧОК (*мнетя*). – Как бы тебе объяснить... Девушка совершенно беззащитна в этом мире... при таком бюсте, и вообще... при своей красоте. Приходится приходить на помощь... где советом, а где и на практике... Опять же, объем внушаемых ей ценностей требует... В общем, я ее агент в этом буйном житейском океане, так можно сказать.

БОРИС (*бурчит*). – У центровых это как-то по другому называется.

ЧУВАЧОК (*горячо*). – Да это же обычная городская шпана, центровые эти. Нашел с кем сравнивать... меня и Ерофееву.

БОРИС. – Да нет, ну понятно... У нас же универ... культурное заведение... Шалавы есть, а слова нету.

В комнату вваливается Аркаша, толстый молодой мужчина, за ним – Нина, очень красивая девушка. У нее русая коса.

АРКАША. – Нинон, не сумлевайся, через неделю все отдам. С меня мороженое. Так, ну и где мне тебя осматривать? Здесь же, видишь, полна горница... чертей.

НИНА. – Да я их сейчас попрошу. Ты скажи, ты правда в меде учился?

АРКАША (*страстно*). – Да век воли не видать! То есть, ты что, Нинон, не веришь, что у меня за плечами три курса курганского меда? Я тебя правильно понял?

НИНА (*очень не уверенно*). – Да нет, верю, конечно. Только как-то это все... неожиданно.

БОРИС. – Погоди. Это у тебя три курса меда?

АРКАША (*запальчиво*). – Вот представь себе!

БОРИС. – Да уж. Представляю. Ты школу-то закончил, Аркаш?

АРКАША. – Ну, знаешь,,,

НИНА. – Ладно, ребята. Вы выйдите все на минутку. Аркашка меня посмотрит. Ну, обследует.

ВАЛЯ. – А что обследует?

НИНА. – Ну, по женской части. (*раздражаясь*) Ну Господи, ну выйдите же, прошу! Что, трудно, что ли?! И где, кстати, мой Васек?

БОРИС. – Огонь твоих чресел?!

НИНА. – Сщас получишь. Правда, где Васька?

БОРИС. – Да у физиков он, огонь твой. Сплетничать пошел, сейчас нарисуетя.

Валя, Борис и Чувачок выходят из комнаты, встают возле стенки, прямо у двери. К ним подходит Васек.

ВАСЕК. – Не понял. А что вы... че происходит?

БОРИС. – Да, по моему, афера какая-то. Но никто же меня и слушать не хочет.

ВАСЕК. – Ну почему? Я слушаю

БОРИС. – Короче, этот жиртрест, Аркаша, чтобы Нинку хоть как-то поиметь, внушил ей, что он медик незаконченный. И что он ее должен осмотреть на предмет гинекологии.

ВАСЕК. – Он не медик незаконченный, он проходимец законченный. А где учился-то, не говорил?

БОРИС. – Ну, надо полагать, по месту жительства. В Кургане. Я вот не понимаю, откуда он вообще в общаге взялся?! Должен уже каждому второму, в карты жульничает, каждый день гитара и портвейн... Сибарит, однако, толстомясый.

ВАСЕК (*задумчиво*). – В Кургане, говоришь.

Васек уходит. Ребята остаются у стенки.

ВАЛЯ. – Мне тоже не нравится этот Аркаша. Скользкий какой-то.

БОРИС. – Чего ж ты Нинку тогда не остановила?

ВАЛЯ (*решительно*). – А вот сщас останавливаю...

Валя делает шаг от стенки. В ту же минуту на сцену выбегает Васек и кричит.

ВАСЕК. – Нету! Нету!

ВАЛЯ (*испуганно*). – Чего нету?

ВАСЕК. – Нету меда в Кургане. В Научке смотрел справочник по всем городам – нету меда в Кургане. Только училище!

БОРИС. – Я так и знал! Ладно, пошли...

Они заходят – впрочем, первым забегают Васек – в комнату. На кровати под одеялом лежит голая Нина, сбоку сидит Аркаша в растянутой рубашке. Все останавливаются. Потом Васек трагическим голосом спрашивает у Нины.

ВАСЕК. – Он успел? Скажи, он успел?

НИНА. – А больше тебя ничего не интересует? Не интересует, залетела я от тебя, или нет? Или только одно на уме – успел Аркаша или не успел?! В голову не приходит, что я и не дать могу?! И что он мою беременность определить должен был. И все!

ВАЛЯ. – Определил?

НИНА. - Да куда там. Бормочет не пойми что... Ни одного нормального мужика в этой общаге нет.

ВАСЕК (*испуганно*). – А я?

НИНА (*смятаясь*). – Ну, разве что ты...

БОРИС. – Ну и дура ты Нинка. Нашла мужика.

Васек подбегает к Борису и пытается ударить его. Тот дает ему в ухо, Васек падает. Лежит, не встает. Нинка вскакивает, и, голышом, подбегает к Борису. Затемнение. Шум и неясный гвалт. Сцена освещается, Нинка опять под одеялом, Борис сидит, растрепанный. Васек лежит, как лежал.

БОРИС. – Ну, Нинон! А, с другой стороны, кто бы за меня так заступался! Уважаю. И фигура...

ВАЛЯ. – Что такое?!

НИНА (*усмехается*). – Рассмотрел?

БОРИС. – Рассмотрел. Нин, ты прости, конечно, но в следующий раз будешь лежать рядом с суженым. Ни от кого я оплеух не потерплю. И от тебя тоже.

НИНА. – Ну, ну. А чего ж сейчас-то...

БОРИС. – Да я не ожидал такого... натиска. Признаю - ураган, а не девушка.

ВАСЕК (*привстает*). – Это ты будешь лежать... в следующий раз.

БОРИС (*угрожающе*). – Чего?

Нинка начинает по бабьи завывает.

НИНА. Ох, да за что ж наказание-то такое!

БОРИС (*с досадой, раздраженно*). – Слушайте, да идите вы оба!

Борис выходит из комнаты. Васек встает и садится на край кровати в ногах у Нины. Чувачок говорит ей.

ЧУВАЧОК. – Нин. А ты не могла повторить... мизансцену...

НИНА (*все еще обидчиво всхлипывая*). – Это уже полный спектакль будет. А актерам деньги платят.

ЧУВАЧОК. – Ну, много у меня нет, но вот пятера завалилась.

НИНА (*вытирает глаза и говорит стальным голосом*). – Чувачок! Ты тоже по сусалам захотел, да?

ВАСЕК. – А че ты, Нин? Че тут такого – то?

АРКАША. – Я в доле. Даю еще пятеру.

ВАЛЯ. – Охренели совсем!

АРКАША. – Да ну ладно – охренели. Я банк удваиваю.

ВАСЕК (*возбужденно*). – Еще пятера, и в банке четвертной!

ВАЛЯ. – Тьфу!

Она выходит из комнаты.

ВАСЕК. – Какие мы недотроги! Нин, да ты на секунду покажись, и все.

НИНА. – Иди сюда, че скажу то...

Она пригибает голову Васька и больно крутит ему ухо. Васек кричит.

ВАСЕК. – Отпусти, ненормальная.

Нина отпускает его. Васек сидит, злой и нахохленный.

ВАСЕК. – Вот горя ты, Нинка, не видела. От четвертного отказываться!

АРКАША. – Прошу прощения – от двадцати рублей. До четвертного я не поднимал.

ВАСЕК. – Че, жлобишься?

АРКАША. – Никогда. Но нужна ясность.

ЧУВАЧОК. – Действительно, Нинуль. Ты представь, что мы рабы, а ты патрицианка. В результате скроишь себе новое платьишко.

НИНКА. – Уйдите, черти.

ЧУВАЧОК. – Да, сумма явно не та.

АРКАША. – Не вопрос. Нинон, говори, сколько.

НИНА (с удивлением). – А ведь ты и правда, проходимец.

ВАСЕК. – Слушайте, дело сейчас не в этом.

АРКАША. – Точно, не в этом. Нинон, ты просто пересекаешь комнату туда и обратно, и...

Он кладет на стол пятидесятирублевую купюру.

АРКАША. – На обратном пути забираешь ее себе под одеяло.

В этот момент на сцене происходит что-то необычное. Нина молнией проносится по комнате, и вновь ныряет под одеяло с полтинником. Никто ничего не успел понять, все произошло моментально.

АРКАША (обескуражено). – Обула, мать! Как есть, обула! Я опять ничего не разглядел. Ничегошеньки! Снова фальстарт, однако.

ВАСЕК. – Какой фальстарт! Все по честному. Ты вообще, кто такой здесь? С какого ты фака, Аркаша?

АРКАША. – Я с факультета... партийного строительства.

ЧУВАЧОК. – Как я сразу-то не догадался...

ВАСЕК. – Точно! Партийные все такие... продажные!

АРКАША. – Партийные продажные? Я не понял, а кто сейчас за полтинник голой задницей сверкал? Член партии с какого года?

НИНА. – Сверкал? Ты же не видел ничего, говоришь.

АРКАША. – Ладно. Все хороши. Партийные, беспартийные... А на уме у всех одно. Мать, я пока своего не добьюсь, не отстану. Хорошо, добавляю еще четвертной...

В комнату возвращаются Борис и Валя.

ВАЛЯ. – Я же говорила тебе, что это бес какой-то. Вот, грехопадение продолжается. Художника Кранаха не хватает, чтобы он их с натуры написал.

БОРИС. – Аркаша, тебя по-хорошему спрашивают, че ты здесь делаешь? Кто ты такой, твою мать, а?

АРКАША (усмехается). – А ты еще не понял? Я часть той силы.

БОРИС. – Охренеть! А ну дуй отсюда, часть... дерьма на палочке. Дуй, говорю, пока рожу не начистил!

АРКАША (примирительно). – Ты кончай кипятиться. В конце концов, я что, Нинку силой заставляю... на платьишко зарабатывать? А? Давай сам, если ты такой справедливый и богатый. А я посмотрю. На тебя и... на нее. Но уже не за свои.

ЧУВАЧОК. – А и правильно. Свобода должна присутствовать в этой комнате буквально во всем.

ВАЛЯ. – Нинку покупать – это свобода?

ЧУВАЧОК. – Нинку. Кстати, Аркаша, че ты, правда, заиклился? У меня есть красивая знакомая с филфака, Ерофеева. И все без хлопот, гарантирую. Да и фигура у Ерофеевой более классическая.

НИНА (*привстает по пояс, закрываясь одеялом*). – Чего?!

ЧУВАЧОК. – Ну прости, Нинон, но это же объективно...

НИНА. – Вася! Ты что сидишь, как обезьяна? Твою девушку публично оскорбляют, а ты сидишь!

ВАСЕК. – Чувачок, ты не прав. Нинка лучше.

ЧУВАЧОК. – Ну конечно, лучше. Нина истинно русский стиль, кто с этим спорит, тут ей равных нет. Но ведь речь о европейской классике. Да и это... мороки с Ерофеевой меньше. Ну, и где я кого оскорбил?

ВАСЕК. – Действительно. Че ты, Нин?

НИНА. – Нет, я просто не поняла сразу. Этот Чувачок всегда туману напустит, че сказал, никогда с первого раза не доходит. Конечно, меня с этой чувырлой Ерофеевой сравнить... вы че, ребята!?

ЧУВАЧОК. – Тут главное выбрать систему координат. Эстетических, разумеется.

НИНА. – Разумеется. Когда –нибудь, Чувачок, попадешь ты мне под горячую руку, в системе координат. Физических, разумеется.

ЧУВАЧОК. – Что ты имеешь в виду? Банальный мордобой?

НИНА (*улыбается*). – Не банальный. Половой.

ЧУВАЧОК (*смешавшись, запинаясь*). – Да ну ты... Нинон...я...

НИНА (*восхищенно*). – Ты моя прелесть! Покраснел! Прямо бутон нетронутый! Ни разу еще, Чувачок, а? Ну признайся. (*уже саркастически*) А туда же – Ерофееву торговать собрался.

ЧУВАЧОК. – Че сразу торговать-то? Ерофеева – это продукт непротивления двух сторон, как у Ильфа и Петрова. А я лишь хочу правильно распределить финансовые потоки.

В комнату заходит Прокопъич, ставит на стол банку с пивом.

ПРОКОПЪИЧ. – Какай разврат! Вы о чем –нибудь другом думать можете? Или только о девочках?

БОРИС (*усмехается*). – Ну не все же такие разносторонние личности, как ты, Прокопъич.

Все глядят на Прокопъича. Тот как-то съеживается, видно, что ему не по себе

ВАСЕК (*смеется, тянется к банке с пивом*). – Да, Прокопъич. Не зря ты всех нас, мальчиков, по голове перед сном гладишь...

БОРИС (*отбирает у него пиво*). – Мешать не стоит. Допивай свою водяру. И не трогай руками высокое...

ВАЛЯ. – Какое высокое?

ЧУВАЧОК. – Любить всех – это спорт смелых. И Прокопъич им занимается.

ВАЛЯ (*неуверенно*). – Прокопъич! Дак ты это...ты того, что ли...

АРКАША. – Ого! Здесь и гомики живут. Никогда бы не подумал.

ЧУВАЧОК. – Зачем тебе думать? Просто цени красоту. Так мне что, поговорить с Ерофеевой?

Прокопъич бросается на кровать, закрывает голову подушкой. Все замолкают. В комнату заходит Коля Сушков. Он берет из рук Васька пустую уже бутылку, с огорчением смотрит, и ставит на стол.

БОРИС. – Да, да, Коля. Только пиво...

КОЛЯ (*трагически*). – Не верю! (*нормальным голосом*) А что это с ним?

Он подсаживается к Прокопичу, гладит его по голове.

КОЛЯ. – Они тебя обижают здесь, крокодилы, да?

Прокопич, не отрываясь от подушки, сбрасывает его руку.

КОЛЯ. – Прокопич. Ты пойми, они всего лишь поддерживают твой не простой половой путь. Полный страданий и скорби...

ПРОКОПЫЧ (*глухо, из-под подушки*). – Уйди, подлец!

КОЛЯ (*театрально*). – Я уйду! Я уйду! Но ты об этом будь жалеть все оставшиеся годы! (*одновременно обращаясь к Борису*) Э, ты пиво – то все не пей. Оставь хоть маленько страждущему...

АРКАША (*с интересом*). – Спектакля! Хотите, я подыграю...

Аркаша берет со стены гитару и начинает петь: «Городок наш, ничего, население, таково, незамужние ткачихи, составляют большинство».

ЧУВАЧОК. – Я понял Аркаша, кто ты. Ты – статистик!

АРКАША. – Ну, в некотором роде, да, статистик. И, заметьте, все за бесплатно, все на голом моем энтузиазме.

ЧУВАЧОК. – Рассказывай! Вон как Нинку тискал. Те статистики, настоящие, дореволюционные, те благородные были. Они только переписывали. А ты натурально влияешь на демографию. Откуда сбежал, проходимец?

АРКАША. – Чувачок! Ты знай меру. А то ведь и к ответу потребую за оскорбление личности.

ЧУВАЧОК (*поправляя очки-дужки*). – И чо? Бить будешь?

АРКАША (*неохотно*). – Придется. Ты же в полный рост нарываешься.

ЧУВАЧОК. – Ну, давай, попробуй.

БОРИС. – Эй, мужик, как тебя там, Аркаша, что ли. Брось это дело. У Чувачка разряд по борьбе, да и я помогу, если что.

АРКАША. – У него? По борьбе? Никогда бы не подумал. Ладно, ринг отменяется. Давайте пиво пить.

БОРИС. – Пиво? Пить? А ты деньги давал?

АРКАША. – Тьфу ты, что за комната. На жлобье, кажется, нарвался. Полтинник сорвали, а пиво жмотят.

ВАЛЯ. – Нин, отдай ему полтинник.

НИНА. – Еще чего! Ты сама голой жопой сверкни перед незнакомым мужиком, а потом командуй.

Пауза. Все находящиеся в комнате молча смотрят на Нину. Та нехотя вынимает из-под одеяла полную красивую руку с полтинником.

АРКАША. – Не. Не возьму. И вообще, пошел я от вас.

Аркаша выходит. Все молчат. Потом Васек говорит.

ВАСЕК. – И откуда его черти принесли. В душе пакостно как-то.

НИНА. – Есть такой момент. Но мы сейчас порешаем проблему, как у нас в комсомоле говорят. Васек, бери этот паразитский полтинник, дуй в город, и на все винища купи. Закуски не надо. Сами сейчас что-нибудь придумаем.

Васек подходит к кровати Нины, берет деньги, начинает целоваться. Все кричат: «Кому сказано – за винищем! Потом лав!»

ВАСЕК. – Да ладно, ладно. Только ходоку лишний стакан, не забудьте.

Все опять хором: «Иди уже!» Васек уходит. Нина поет.

«Эх, ух, люблю двух. Погляжу – одна лежу».

НИНА. – Чувачок! Тебе, между прочим, пою.

ЧУВАЧОК. – Я сегодня...Нин, че тебе надо-то?

НИНА. – Взаимности! А у тебя, я подозреваю, сегодня...не те дни, что ли?

ЧУВАЧОК. – Отстань, а...

НИНА. – Да ни за что! Давай сделаем это по быстрому! А потом Прокопичу приготовиться. Я сегодня всех вас, теоретиков, практиками сделаю.

ЧУВАЧОК. – Ну так, и начни с Прокопича. А мне...к коллоквиуму...опять же, марксизм-ленинизм...короче, я в научку...

Чувачок уходит. Нина встает, начинает одеваться. Прокопич садится на кровати. Борис, Валя и Коля наблюдают за ними.

ПРОКОПЬИЧ. – Че это за разговоры пустые?

НИНА. – Да и то. Сплошная болтовня...Ладно, порешаем...

Говоря это, Нина, в трусах и лифчике, у нее сексуальная, чуть полноватая, фигура молодой женщины, подходит к Прокопичу, заваливает его на спину. Прокопич кричит фальцетом.

ПРОКОПЬИЧ. – Нина! Коза...Нинка! Отпусти! Не сейчас! Не здесь! Ну пусти, я сам! Борис, Валя, выйдите...

НИНА. – Не выходите. Я при вас его хочу.

Она расстегивает ширинку на штанах Прокопича. Тот пытается зажать ее ладонью. Словом, шаржированная сцена изнасилования. Коля Сушков говорит.

КОЛЯ (участливо). – Дрыгается...Нин, давай я ноги подержу...

НИНА (пыхтя). – Подержи...подержи этого...ах, ты ж... фарисей...лежи спокойно, тебе же лучше...и книжника...

Коля встает, в этот момент Прокопич вырывается, и с криком : «Пидарасы» выбегает из комнаты.

КОЛЯ. – Это мы-то с тобой, Нинон, пидарасы? А он тогда кто? Все, в общем, смешалось...Далее по тексту.

НИНА (мрачно). – Да. И не только по этому тексту. Чувствую себя Элен Безуховой. Вот даже блядство в этой общаге какое-то...филологическое.

ВАЛЯ. – Ну, это не так уж и плохо. Классика – она и тут классика.

БОРИС (смеется). – А когда к Достоевскому перейдем?

ВАЛЯ. – Чур, я Грушенька!

В комнату заходят Васек и Чувачок. Васек выставляет на стол купленный им портвейн – три бутылки. Чувачок садится за стол и невозмутимо читает какой-то журнал.

ВАСЕК. – А где все?

В комнату заходит симпатичный бурят Чаруев.

ЧАРУЕВ. – О. Все здесь...

ВАСЕК. – Главное, портвейн уже здесь. Ну и нюх у тебя, Чаруев!

ЧАРУЕВ. – Да нужен мне твой портвейн...

Чаруев разворачивается уходить. Все кричат ему : «Не слушай этого трепача!» Причем, громче всех кричит Васек. Чаруев остается.

НИНА. – Садись рядом со мной.

ЧАРУЕВ (*мрачно*). – Че я тебе, клоун, что ли (*садится рядом*).

НИНА. – Ну, клоунов тут и так хватает. Вот, а я этим...как там в цирке...главная на арене...

Нина прижимается к Чаруеву. Тот отодвигается. Нина фыркает.

НИНА. – Гляди, потом жалеть будешь.

ЧАРУЕВ. – Ты, Нина, краев не видишь. Прокопьяча, вон, с ума свела. Плачет, поди, где – нибудь в пустой аудитории.

НИНА. – А я о чем! Прокопьяч уже жалеет...об упущенных возможностях.

ВАСЕК (*полупьяным голосом*). – Нинка! Счас ты у меня пожалеешь...о любых возможностях.

НИНА. – Опомнися! А, может, уже поздно!

ВАСЕК. – Ну, паскуда...

Васек подбегает к Нине и бьет ее по уху. Все бросаются на него. В это время за дверь какой-то шум, и чей-то голос кричит : « Обкомовская проверка! Обкомовская проверка!» Чаруев сует бутылки в спортивную сумку. Ребята быстро выбегают из комнаты. Остаются только две девушки – Валя и Нина. Валя говорит Нине.

ВАЛЯ. – Нин, ты чего? Ты почему терпишь это все? Ведь он же сморчок против тебя. Да еще и пьянь, к тому же.

НИНА. – Ох, спроси че полегче. Наверное, это у меня наследственное. Папаша тоже маму мутузил почем зря.

ВАЛЯ (*задумчиво*). – Ага. Ну, тогда понятно.

НИНА. – А все равно дом часто вспоминаю. Мама с утра завтрак сделает, и, пока не съем, ни за что в школу не отпустит. А папаша...ну что, папаша. Какой уж есть. Мы же их не выбираем.

ВАЛЯ. – Да еще как выбираем. Только таких и выбираем! Теперь ясно, почему Васек...Такой же козел, да?

НИНА. – Валь, да отстань ты от меня с такими разговорами!

Разговаривая, девушки убирают комнату, расставляя все по своим местам. Раздается стук в дверь и звучит голос : «Можно? Проверка обкома партии».

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В комнату заходят две женщины – Мария Васильевна, полноватая шатенка, крупная, но, тем не менее, очень привлекательная, и Анна Антоновна, высокая, стройная, блондинка, с ними мужчина – неряшливый толстячок Игорь Иванович.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Так, 214. Филфак. Вроде, все чисто и тихо. Так и запишем, коллеги...

В комнату заходит ничего не подозревающий мрачный Прокопъич. Не обращая внимания на незнакомцев, заваливается на постель, все в той же позе – лицом в подушку. Нина с Валецкой потихоньку выскальзывают из комнаты. Мария Васильевна говорит.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Уважаемый. Вы бы хоть поздоровались, что ли.

ПРОКОПЪИЧ. – Не буду я с вами здороваться. Не комната, а проходной двор какой-то.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Так. Это интересно...

К лежащему Прокопъичу вплотную подходит толстячок Игорь Иванович, и орет.

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ. – А ну встать, когда с тобой разговаривают члены обкома партии!

Прокопъич испуганно вскакивает и вытягивается в струнку. Блондинка Анна Антоновна миролюбиво говорит.

АННА АНТОНОВНА. – Что это вы, Игорь Иванович, так строго. У человека ведь могут быть обстоятельства. Неприятности...

Анна Антоновна садится на стул прямо напротив Прокопъича, кладет свою длинную ногу на ногу, юбка ее задирается до предельных границ. Прокопъич стоит и смотрит на нее в полубомороке. Мария Васильевна тоже с интересом наблюдает за ним.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Хм. Блондин. Почти пепельный. Это нереально.

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ (*растерянно*). – Товарищи, товарищи...

АННА АНТОНОВНА. – Да погодите вы...

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Игорь Иванович! Вы бы шли пока один. А мы догоним.

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ. – Куда один? Зачем один?

АННА АНТОНОВНА (*тихо бормочет*). – Куда, куда...Туда. (*громко*) Продолжайте рейд, вам говорят. Мы после присоединимся.

ПРОКОПЪИЧ. – Докладываю. Готовлюсь к коллоквиуму по марксизму-ленинизму. Просто расслабился немного.

АННА АНТОНОВНА. – Нас это и интересует, в основном. Как вы умеете расслабляться, чтобы затем приступить к учебе?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Да вы садитесь, голубчик. Как зовут?

ПРОКОПЪИЧ (*машинально*). – Прокопъич...то есть...

АННА АНТОНОВНА. – Погодите. Не говорите ничего. Прокопъич...какая прелесть...Прокопъич, вы волосы не красите?

ПРОКОПЪИЧ. – Да нет. Не вижу необходимости, пока.

АННА АНТОНОВНА. – Вот это верно. Никакой необходимости в этом нет. Дайте – ка я потрогаю вашу шевелюру...

Анна Антоновна встает, и трогает волосы Прокопьяча. Тот покорно стоит. Мария Васильевна говорит: «А мне...потрогать...», и тоже гладит Прокопьяча по голове.

АННА АНТОНОВНА. – Такой блондин, натурально, почти пепельный. У вас когда-нибудь был пепельный?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Да ну что вы! Я б запомнила.

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ (*робко*). – Товарищи, товарищи...что здесь происходит?

АННА АНТОНОВНА (*очень раздраженно*). – Откуда он взялся? Кто его вообще в рейд включил?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Да он из сектора печати. Они все там такие...недалекие.

АННА АНТОНОВНА. – Слушайте, вам же русским языком сказано : продолжайте проверку пока один. Мы тут должны кое – что выяснить с этим студентом. Марья Васильевна, вы выведите товарища, а потом приходите...минут через двадцать.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Через десять.

АННА АНТОНОВНА. – Ну хорошо. Через пятнадцать.

Мария Васильевна берет Игоря Ивановича под руку и уводит из комнаты. На сцене затемнение. Затем – свет, Прокопьяч лежит на кровати с полуспущенными штанами, Анна Антоновна застегивает кофточку.

АННА АНТОНОВНА. – Прокопьяч. Что это с...вами? Вам плохо, что ли, было?

ПРОКОПЬИЧ (*мычит*). – Уйдите. Уйдите...

АННА АНТОНОВНА. – Здрасьте, я ваша Настя. Да вы что так переживаете-то? Это ж просто секс, что тут такого?!

ПРОКОПЬИЧ (*глухо воем в подушку*). – У –у –у...йди...

АННА АНТОНОВНА. – Так я не поняла, Марья Васильевна, заходить, или как?

Прокопьяч продолжает выть.

АННА АНТОНОВНА. – Ладно, скажу, чтобы заходила. А дальше сами разбирайтесь. Нет, ну надо же – пепельный блондин. Первый раз в жизни. Это нереально!

Очередное затемнение. На этот раз в темноте слышны всхлипы Прокопьяча : «Пусти! Пусти! Не трогай...меня... не трогай...его! Пидарасы!» Голос Марии Васильевны.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Голубчик, это уж чересчур...Какие же мы пидарасы! И потом, все же как-то некрасиво это...про членов бюро обкома партии...да и не правда!

Свет на сцене. Говоря все это, Мария Васильевна надевает юбку. В комнату заходит Анна Антоновна.

АННА АНТОНОВНА. – Правда...это неправда.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Да помогите же, Прокопьяч! Застегните замок...

Прокопьяч на миг отрывает от подушки заплаканное лицо, смотрит на них, и опять с воем зарывается в подушку.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – О Господи! Вот уж послал ты нам контингент! То ли дело курсантики!

В комнату без стука вновь вваливается (он только вваливается) Аркаша. Увидев обстановку, он застывает. Женщины строго смотрят на него. Анна Антоновна говорит.

АННА АНТОНОВНА. – Аркадий?! А вы что здесь делаете?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Вы кто? Это кто?

АННА АНТОНОВНА. – Толком – то никто не знает. Но...большой проходимец. *(жестко, но вопросительно)* Так что вы забыли в студенческом общежитии, Аркадий? Мало вам актерских?

АРКАША. – Так я же подтягиваю эту комнату...марксистко-ленинская эстетика...и вообще, так... на понял-понял...

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – На что? На понял-понял? Это как?

АННА АНТОНОВНА. – Я вам потом объясню. Интересный концепт, между прочим...

ПРОКОПЬИЧ *(заинтересовался, он садится на кровати)*. – Какой концепт? Именно эстетический?

АРКАША. – Да, родной, да. Именно эстетический. А ты на какой подумал?

ПРОКОПЬИЧ. – Да я...Я уже не знаю, что и думать...Ведь обком партии...И такой подход...

АННА АНТОНОВНА. – Мы стараемся познакомить вас с новейшими доктринами.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – В любом случае, Прокопьевич, категория прекрасного в нашей ситуации присутствует.

ПРОКОПЬИЧ *(растерянно)*. – Вы издеваетесь надо мной?!

АРКАША. – Ни в коем разе, друг. Эти дамы просто-напросто запустили в тебе настоящий процесс мышления. А мышление, как известно, не что иное, как функция активной деятельности. А не функция беззубого лежания на койке...Чем ты постоянно занимаешься.

АННА АНТОНОВНА. – Бесспорно, запустили.

ПРОКОПЬИЧ. – Так я же не просто лежу. Я Маркса, между прочим, читаю.

АННА АНТОНОВНА. – Только Маркса?! А Ленина?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – И конспектировать нужно. А вы разве конспектируете?

АННА АНТОНОВНА. – Но в целом...В целом вы нам, пожалуй, подойдете. Учитывая уникальный цвет волос.

Аркаша, с усмешкой слушающий их диалоги, начинает под гитару напевать «Таганку».

АРКАША. – Дорогая, а ведь книги-то лежат. «Мастер» хм, с «Маргаритой», как просили, десять экземпляров. Да что-то вы ко мне не заходите, Анна Антоновна. Не, ну я понимаю...вам высоких да кудрявых нынче подавай. Идейных. С пепельными волосами...

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Десять экземпляров?! Булгакова!? Анна Антоновна, так это на весь отдел?

АННА АНТОНОВНА. – Да причем здесь отдел, Мария Васильевна. На отдел и так спустят, по разнарядке. Это ... мне...*(на секунду запинаясь)* и вам. В личное пользование, что ли.

ПРОКОПЬИЧ. – Послушайте. А я вот сегодня, что, я не заслужил ни одного экземпляра?

АРКАША *(с одобрением)*. – Совершенно справедливо. Любой труд должен быть оплачен, азы политэкономии. Вопрос – как будет оплачен? По справедливости ли? Или пойдут в ход эксплуататорские приемы?

ПРОКОПЬИЧ. – Капиталистические!?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Ого! Прокопьевич! Нет, как наш обиженный заговорил!

АРКАША. – Как обиженный? Вы же дамы!

АННА АНТОНОВНА. – Бросьте вы ваши замашки, Аркадий. Марья Васильевна, это он из-за книг так... возбудился. Я правильно поняла, Прокопьевич?

ПРОКОПЬИЧ. – Готов забыть все, что здесь сегодня произошло. Но Булгаков...

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Можете не продолжать. Будет вам и Булгаков, и кофе с какао.

ПРОКОПЬИЧ. – Говорят, и Цветаева, вроде, издана уже.

АННА АНТОНОВНА. – Вот это хватка! Не ожидала, если честно. Что я вам сказала, Марья Васильевна?! Это точно то, что нам в отдел нужно. Вместо этого... Игоря Ивановича.

АРКАША. – Инструктором? Дак он же студент еще.

АННА АНТОНОВНА. – Это наш кадровый резерв.

АРКАША. – А если бы у меня пепельные были...

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Ну, кроме пепельных, кое-что еще иметь надо.

АРКАША. – Так у меня все с этим в порядке! Вот, Анна Антоновна, может подтвердить.

АННА АНТОНОВНА (*быстро, со сладкой улыбкой*). – Знать ничего не знаю, ведать не ведаю! Сгинь сотана, сгинь сотана, сгинь сотана... чуфыр, чуфыр, чуфыр...

В комнату заходят Нина, Валя и Борис. Они с интересом смотрят на нее. Анна Антоновна замолкает, увидев такое внимание к себе, смутившись.

НИНА. – Бесполезно. Не помогает. Я, когда Васька руки распускает, иногда так же ведьмачу. Бывало, что и еще хуже только становилось.

АРКАША (*насмешливо*). – Вот видите, что вам простые студенты говорят. А их устами глаголет истина.

АННА АНТОНОВНА. – Какой Васька? Какие руки? Мы проверка обкома партии! Рейд! Вы о чем, вообще?

АРКАША. – Анна Антоновна. Ну ведь было же вам хорошо, зачем скрывать очевидное...

ПРОКОПЬИЧ (*угрюмо*). – Вот, вот. Она только это и признает, когда ей хорошо. А что человек при этом испытывает, ей на это наплевать.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Кажется, нам надо посмотреть, как там дела у Игоря Ивановича.

ПРОКОПЬИЧ (*все так же угрюмо*). – Если уж она Аркашу поимела, то что говорить про остальных...

АННА АНТОНОВНА. – Да. Поимела. И сейчас мы вас всех здесь поимеем.

ПРОКОПЬИЧ. – Не бывать тому! Я руки на себя наложу!

БОРИС. – Вы бы поосторожнее на поворотах, Анна Антоновна.

ВАЛЯ. – Это что ж такое?!

АННА АНТОНОВНА. – Вот именно. Что здесь происходит, хотела бы я знать?

В комнату заглядывает Коля Сушков.

КОЛЯ. – Прошу прощения. Мне нужны срочно кое-какие вещи.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Да пожалуйста! Мы же обычная проверка! Что за страхи, наконец? Ваша комната, заходите, берите, что хотите...

КОЛЯ. – Ну, что хотите... Мне чужого не надо. Да и это... Разговор, что суровая проверка-то. Рейд! Вон, Прокопьяч не в себе.

АННА АНТОНОВНА. – Вы на Прокопьяча внимания не обращайте. Он уже почти номенклатура. Ну, конечно, у него шок от неожиданного поворота... судьбы.

Раздается негромкий стук в дверь, высовывается голова Чувачка. Он осматривает комнату.

ЧУВАЧОК. – Пардон. Здесь место происшествия?

ПРОКОПЬИЧ (*с чувством*). – Какого? Печали небывалой? Это здесь.

КОЛЯ. – Гамлет. Перевод Пастернака. По мне, так лучше Лозинский.

АРКАША. – Нет, какой базар, а? За такой базар могу и еще капусты подкинуть. Вот вам и «курсантики», дорогуша.

ЧУВАЧОК (*заходит, наконец*). – Кстати, насчет капусты, Аркадий. Что с Ерофеевой решил? А то ведь у девушки много почитателей, какой-то график есть, нужны реальные часы...

АРКАША (*смеется*). – А она «Гамлета» мне на ночь прокашлять сможет?

ЧУВАЧОК. – Не вопрос. Все, что угодно, за ваши деньги. Это же филфак, дорогой ты мой!

ПРОКОПЬИЧ (*шепчет*). – Пидарасы...

АРКАША (*изумленно*). – Что?! Кто?! Да ты понимаешь, что ты сейчас предъявил?!

БОРИС. – Боже, Прокопич, замолчи ты навеки. Слушай, Аркаша, ты че здесь порядки наводишь?

АННА АНТОНОВНА. – А, по моему, Аркаша прав. За такие предъявы надо отвечать. И что это за торги? С какой такой Ерофеевой? Аркадий, я не поняла...

АРКАША. – А я причем? Он (*он кивает на Чувачку*) предлагает. Я то что?

ЧУВАЧОК. – Пардон еще раз. А вы кто, женщины?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Мы проверка обкома партии. А вы местный сутенер, как я погляжу?

ЧУВАЧОК (*ошеломленно*). – Рейд?! Какой сутенер, что вы! Ерофеева – это автор серебряного века, поэтесса, мало изданная.

АННА АНТОНОВНА. – Это правда? Прокопич, ты... вы самый начитанный, отвечайте.

ПРОКОПЬИЧ (*глухо, из под подушки*). – Правда, все правда. Пидарасы...

ВАЛЯ и БОРИС (*одновременно*). – А вы что, никогда не читали Ерофееву?

КОЛЯ. – И вы проверяете общежитие филфака?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Как это не читали? Очень даже читали. Да что вы нам голову морочите? Идемте, Анна Антоновна, у нас еще по общежития.

КОЛЯ. – Один только вопрос. А как звали мать Гамлета, женщины?

АННА АНТОНОВНА. – Поговорите еще тут. Посмотрим, что вы потом запоете, в деканате. Идем, Марья Васильевна. А то они тут совсем обнаглели. Мать Гамлета... Будет тебе мать... кузькина.

Комиссия уходит. Тут же в комнату заходит пьяный Чаруев. Он ставит одну бутылку портвейна на стол. Коля говорит.

КОЛЯ. – А где остальные две? Впрочем, вопрос риторический.

ЧАРУЕВ. – Да просто глупый.

КОЛЯ. – Наглец ты, Чаруев.

ЧАРУЕВ. – Есть маленько.

В комнату возвращается Анна Антоновна.

АННА АНТОНОВНА. – Я у вас блокнот забыла. О, а это что за симпатичненький бурятик?

ЧАРУЕВ. – Не терплю амикошонства.

АННА АНТОНОВНА. – Да ты поддатый! Однако. Что же вы, студент, в общежитии, после распития, в таком виде...

ЧАРУЕВ. – Ну и что? Может, вы тоже пьяная. Только по вам незаметно. Что вам надо в нашей комнате!?

В комнату заходит Мария Васильевна.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Анна Антоновна, ну что же вы, опять в этой 214 застряли. Как медом намазана комната.

АННА АНТОНОВНА. – Ага. Медом. Вы лучше посмотрите, какой симпатичненький бурятик. И чуть поддатый. У вас был когда – нибудь симпатичненький молоденький поддатенький бурятик?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Да. Интересно. Нет, не было. Я бы помнила.

Чаруев, который все понял, растерянно смотрит на них. Потом спрашивает.

ЧАРУЕВ (робко). – Вы из обкома, да?

АННА АНТОНОВНА. – Не из преисподней же. Шутка, шутка. Мы - то из обкома. А вот ты откуда, такой... вальяжный?

ЧАРУЕВ. – Можно мне пойти в Научку? У меня завтра зачет по марксистко-ленинской эстетике. Отпустите меня, пожалуйста, а?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Ну что, отпустим?

АННА АНТОНОВНА. – Но как же ты пьяный в библиотеку пойдешь?

ЧАРУЕВ (виновато, опустив голову). – Не знаю. Что же мне делать теперь?

АННА АНТОНОВНА. – Ладно. Ложитесь сегодня спать, студент. А завтра позвоните мне. Вот телефон.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – И впрямь симпатичненький. И мне позвоните. Вот телефон.

ПРОКОПЬИЧ (стонет). – Пидарасы...

Чаруев ложится на одну из кроватей. Мария Васильевна и Анна Антоновна внимательно наблюдают за ним. Мария Васильевна говорит.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Э нет, так дело не пойдет. Раздевайтесь... как, кстати, вас зовут, студент?

ЧАРУЕВ. – ЧАРУЕВ.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Кто же в одежде спать ложится? Давай, давай, быстрее, красавчик.

Чаруев раздевается, и ныряет под одеяло.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА (плотоядно). – А чего, собственно, до завтра ждать?

АННА АНТОНОВНА. – Да конечно. А то, понимаешь, мать Гамлета... Я через пятнадцать минут зайду, да?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Через двадцать. Все – то вы побыстрее норовите, коллега. Это же не лекции читать. Он же пьяненький, понимать надо. Ну-с...

АННА АНТОНОВНА. – Я побыстрее?! А кто тут недавно... ладно, замнем. А эти... (она показывает на всех обитателей комнаты) как же?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА (смеется). – А что эти? Мне они не мешают. Наоборот, люблю, когда смотрят.

Мария Васильевна подходит к Чаруеву, поправляет одеяло, садится на край кровати. Анна Антоновна, встает, подходит к выключателю, вырубает свет на сцене, слышна ее реплика – « Красавчик! Удачный рейд!», и она выходит из комнаты. В темноте раздается лишь постоянный стон-рефрен Прокопьяча - «Пидарасы», потом голос Бориса.

БОРИС. – Не, Валь. Пусть они ... закончат. Я так не смогу.

ВАЛЯ. – Да наоборот же все! Неужели тебя не заводит?!

АРКАША. – Спектакля...

КОЛЯ. – Нет. Что за день! Чаруев этот! Сначала портвейн один схомячил, теперь вот любовью окружен.

ПРОКОПЬИЧ. – Пидарасы...

КОЛЯ. – Прокопьяч! Заткнись, или смени пластинку.

В этот момент слышится шум и голос Чаруева. Он кричит.

ЧАРУЕВ. – Все! Все! Больше не могу! Дальше только по любви! Понятно! Только по любви!

Чаруев вскакивает, включает свет, видно, что он голый, хватая одежду со стула, идет к двери, потом возвращается, берет со стола портвейн, и так, голый, с одеждой и портвейном в руках, удаляется. Мария Васильевна поправляет волосы, и говорит.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Чудак какой. Это же только секс. Любовь, любовь... Ну ничего. Я этого бурятика запомнила. Никуда не денется, красавчик. Ну, что притихли? И на старуху бывает проруха.

ВАЛЯ. – Очень самокритично.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Что?! Вы откуда, студентка? Сессию сдали? Я ведь проверю.

БОРИС (*ищет на Валью*). – С ума сошла?! (*обращается к Марии Васильевне*) Марья Васильевна, да вы не обращайтесь внимания. Это ж она по виду взрослая, а так, сущий ребенок. Вот и несет что попало.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*вздыхает*). – Да уж. Скоро из детского сада будем набирать в высшую школу. Этот, Чаруев, ну чего убежал, спрашивается? Молодо-зелено, одним словом.

ВАЛЯ (*осторожно*). – Ага. Жаль, что он не из детского сада...

БОРИС (*тихо шипит*). – Да что ж такое! Замолчишь ты, или нет?!

АРКАША (*быстро*). – Давайте выпьем, что ли. Николай, есть что у нас?

КОЛЯ. – Что бы вы без меня делали. Есть, конечно, НЗ.

Он достает из под матраса заныканную бутылку портвейна.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Это что еще за выпьем? Аркадий, Анна Антоновна уже раз вам дала понять, что здесь не актерское общежитие. Вот идите туда, там и распивайте. А здесь университет. Не положено. И уберите это.

Она кивает на портвейн. Коля быстро прячет бутылку под подушку.

ПРОКОПЬИЧ. – Двойные стандарты. Сплошные двойные стандарты.

В комнату заходит Анна Антоновна.

АННА АНТОНОВНА. – Ну, как тут у нас дела? По моему, замечательный рейд, друзья, да? И пьяных почти нет. Отличные результаты. Будет что начальству докладывать. Кстати, Прокопьяч, мы его запишем уже в ваш актив.

ПРОКОПЬИЧ (*отчаянно*). – Я не смогу у вас работать.

АННА АНТОНОВНА. – Все так поначалу говорят. А через месяц... не узнать человека. Нет, ну, конечно, не только власть, но и ответственность, кто спорит. Сами должны быть примером. Вот так, Прокопъич. Ничего, ничего, разберетесь. Марья Васильевна, вы закончили?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Да как бы да.

ЧУВАЧОК. – Ну, чем не Гамлет?! Драматургия та же. Да, Аркадий?

АРКАША. – Согласен. Есть внутренняя драма. Особенно вон у того... с пепельными волосами.

АННА АНТОНОВНА. – Ну, у этого еще все впереди.

ПРОКОПЪИЧ. – Пида...

Аркаша встает, подходит к Прокопъичу, и придушивает его подушкой.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Э, э. Это что за методы! Ну-ка оставь его. На номенклатуру руку поднимаешь. С ума сошел, что ли.

АРКАША. – А, ну вас. Пойду к физикам.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – За физиков мы не отвечаем. Правда, Анна Антоновна?

АННА АНТОНОВНА (*ревниво*). – Какие еще физики, Аркаша? Будь здесь... на глазах.

АРКАША. – Шантаж.

АННА АНТОНОВНА. – Сиди уж... часть силы.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*смеется*). – А мы, Анна Антоновна, волчицы – санитарки.

АРКАША. – Нешто мы не понимаем? Вместе должны держаться. Только о границах забывать тоже не след.

ПРОКОПЪИЧ. – Что за сленг?

АРКАША. – Не сленг. Родной язык.

ПРОКОПЪИЧ. – Да я понимаю, что родной. Но в твоих устах звучит, как сленг.

АРКАША. – Ты покритикуй еще.

АННА АНТОНОВНА. – Прокопъич все правильно делает. Расставляет акценты. Чувствуется будущий руководитель.

АРКАША. – Руководитель? Чего руководитель?

АННА АНТОНОВНА. – А вот это уже не так важно. Ну, к примеру, возглавит Облитнадзор.

АРКАША. – Что?! На ходу придумала?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Работа такая, все на ходу. Мы, думаешь, чего делаем? Мы (*она кивает на Прокопъича*) попутно в рейде кадры куем.

АРКАША (*саркастически*). – Кузнецы. Кузнечихи. Он на вашей наковальне скоро из пепельного в седого превратится.

ПРОКОПЪИЧ. – Пидарасы!

Аркаша решительно направляется к нему. Но в это время в комнату с возгласом «пидарасы!» вваливается совсем уже пьяный Чаруев. Аркаша останавливается.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Явление. Не ожидала.

ЧАРУЕВ. – Я согласен.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – С чем, студент?

ЧАРУЕВ. – Без любви. Когда-то надо начинать.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Понравилось, да. Ну, сейчас я тобой займусь.

АННА АНТОНОВНА. – Как займусь? Вы же уже с ним занимались. Марья Васильевна, моя очередь.

АРКАША. – Лихо. Он же завтра удавится с тоски.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Шли бы вы.

АННА АНТОНОВНА. – И правда, Аркадий. Не мешай...те. В конце концов, мы... мы... мы комиссия. Рейд. Вправе принимать решения.

АРКАША. – Ох, Анька. Дождесси ты у меня!

АННА АРКАДЬЕВНА. – Чуфыр, чуфыр, чуфыр! Ни слова больше, князь лесной!

АРКАША. – Эх тебя заносит. Ну, ладно. Посмотрим. Какая сторона верх возьмет.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*подозрительно*). – О чем это вы?

АННА АНТОНОВНА. – Дорогая, не обращайтесь внимания. Это вы просто психологический практикум еще не проходили. Второй секретарь проводил, в январе месяце.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Да. Я в январе в декрете была. А он (*она кивает на Аркашу*), что, проходил?

АРКАША (*важно*). – Вы бы повнимательней относились к тому, что я объясняю. Сказал же – я часть той силы. Мне эти практикумы до лампочки. Я их сам проводить могу.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – А мне без разницы, часть какой ты силы. Документ есть?

АРКАША (*угрюмо*). – Какой еще на фиг документ?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – О полномочиях. Вижу, нет документа. Покиньте, гражданин, помещение общежития.

АРКАША. – Да хрен с ним, с этим общежитием. Анька, ты с кем приперлась?

АННА АНТОНОВНА. – Как будто я это решала. С кем назначили, с тем и пришла. А вы, гражданин...

АРКАША. – Ну, сучка. Пожалеешь горько!

ВАЛЯ (*саркастически, передразнивает*). – Кровью...

БОРИС. – ...умоешься!

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*удивленно*). – Анна Антоновна, объясните, в самом деле, кто он?! Что себе позволяет?!

ЧАРУЕВ. – Линию партии...че эт за линия, кто мне объяснит?

КОЛЯ. – Допился. Говорил, нельзя Чаруеву столько портвейна на руки давать.

АННА АНТОНОВНА (*испуганно*). – Прекратить посторонние разговоры!

АРКАША. – Вот и я говорю, лучше о женских слабостях.

ПРОКОПЬИЧ. – Пидарасы!

КОЛЯ. – А этот все о своем, наболевшем.

ВАЛЯ. – Конечно. Прокопьяч ведь тонкая натура. А такие, как ты, его по жизни угнетают. Помнишь, как на птицефабрике, когда мы там на картошке были, ты на него, на голого, в душе сверху корзину яиц опрокинул?! И он, голый, и в яйцах, бегал за тобой по огромному ангару? Вот из-за таких вот историй он больше и не любит...мужское общество.

КОЛЯ. – Это же был розыгрыш.

ПРОКОПЬИЧ. – Чтоб тебя дети так на старости лет разыгрывали.

ЧУВАЧОК (*откладывает журнал, с издевательской укоризной*). – Прокопьяч...А ведь такой начитанный.

НИНА. – Кто бы говорил! Ты сам-то, что, про Ерофееву замолчал? Продал уже где-то на стороне, да?

ЧУВАЧОК. – Это конфиденциальная информация. Так. Я в научку. Надо полистать иностранную литературу.

НИНА. – Иди, иди. Конфидент двуручный.

ЧУВАЧОК. – Нисколько. Все по доброму согласию. (*с фальшивым пафосом*) Впрочем, о чем мы?! Все, все, побежал.

Чувачок быстро уходит.

НИНА. – Ишь, в научку. Опять сбежал, торговец живым товаром. Липовый.

КОЛЯ. – Да ладно тебе. Эта Ерофеева сама спит и видит, как себя подороже пристроить. Чувачок тут только добровольный помощник. Не за что его чмырить.

НИНА. – Что это еще за чмырить?! И где ты только этого набираешься, а? Хоть не отпускай никуда, как ребенка.

ЧАРУЕВ. – Эк ты кума! Да он и матом может.

НИНА. – Ну, матом. Матом – другое дело. Матом можно. А что это еще за чмырить?! Филологи...

ЧАРУЕВ. – Итит твою мать...

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА и АННА АНТОНОВНА молча слушают диалоги.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Ну и комната! Берем вас на заметку!

Все смеются.

КОЛЯ. – Да вы уж на что нас только не взяли!

АННА АНТОНОВНА. – Да что... Комната, как комната. Главное, учатся хорошо. А остальное... нормально, я считаю.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – А Чаруев!

АННА АНТОНОВНА. – Проспится. У него ведь культурный шок. (*хитро*). А, Марья Васильевна?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Да что Марья Васильевна! Вот у курсантов...

АННА АНТОНОВНА. – Хорошо, хорошо. В следующий раз попрошу записать нас в рейд к летчикам-пилотам.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – И физически они лучше развиты.

АННА АНТОНОВНА. – Физически да. Но что-то я не припомню у них ни одного с пепельными волосами.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Так подстрижены же все под ноль. Дисциплина! И с пьянством строго.

АННА АНТОНОВНА. – Ага. И на баб набрасываются, как будто в осаде год сидели.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Ну вот. Все же сами понимаете.

КОЛЯ (*с фальшивой обидой*). – Ну и идите к своим солдафонам! Не понимаю, что это вы еще у нас делаете.

АННА АНТОНОВНА. – Это наша работа.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА, – А что? Кому-то не нравится проверка? Ну, говорите. А мы зафиксируем, дадим ход...

КОЛЯ. – Че сразу не нравится?! Нравится. Нравится, не нравится, спи, моя красавица. А вас вон сразу двое...

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*с довольным видом*). – Это что еще за... (*к Чаруеву*) как? Да, амикошонство!

КОЛЯ (*смутившись*). – Ну а чего...

АННА АНТОНОВНА. – Прощается пока. Но на будущее... должны чувствовать дистанцию, студент.

КОЛЯ. – Дистанцию? Это мы сейчас...

Он подходит к проверяющим женщинам и сгребает их в свои объятия. Те не сопротивляются.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*улыбаясь*). – Студент!

АННА АНТОНОВНА (*ласково*). – Николай! Отпустите! Всему должно быть свое время!

Постепенно Мария Васильевна и Анна Антоновна сами начинают тискать Колю. К ним подходит Нина, она выдергивает Колю из рук проверяющих. Коля убегает из комнаты.

НИНА. – У вас что, других нет, что ли? Наваляю счас, не посмотрю, что проверка!

АННА АНТОНОВНА (*отряхиваясь*). – Все перья растрепала. Да кому он нужен. Забирайте свое добро. А за речью следить надо, голубушка.

НИНА. – Слежу. Я за всем слежу. И за тем, что вы уже полюбощаги перепробовали, тоже слежу.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Вы нас что, пугать вздумали?

НИНА. – Бабы. Идите вы отсюда по хорошему. Я ведь еду, еду, не свищу...

БОРИС. – Чистая правда. Лучше вы ее не доставайте. Инстинкт самосохранения у нее куда-то девается.

АННА АНТОНОВНА. – Вот никогда бы не подумала! А на лекциях такая спокойная женщина с виду.

НИНА. – Я такая и есть. Но мужиков своих никому не позволяю...лапать.

В комнату заходит Васек.

ВАСЕК. – Не понял! Нин, это каких это своих? Всех, что ли? А я?

НИНА. – О, Господи. Ну, ты первый из них.

ВАСЕК (*удовлетворенно*). – Понял. Это ж другое дело.

ЧАРУЕВ (*робко*). – Так я тоже, выходит, твой мужик?

НИНА. – А чей же еще?

ЧАРУЕВ. – Вот чувствовал, что сегодня что-то хорошее случится.

ВАСЕК. – Ты губы-то не раскатывай. Просто, в списке значишься.

ВАЛЯ. – Списке?

БОРИС. – Донжуанском.

ЧАРУЕВ. – Бесплезно, коллеги. Уже ничем вы не испортите мне настроение. Надо, наверное, откупорить последнюю бутылку Аи.

ВАСЕК. – Чего откупорить?

ПРОКОПЬИЧ. – Шампанского.

ВАСЕК. – Так у него портвейн.

ЧАРУЕВ. – А это не важно. Важно, что я в списке! И это позволяет надеяться на чувства, а не на...инстинкты.

АРКАША. – Вот дурак. Что за вывод? Да и куда ж они, чувства, без инстинктов?

АННА АНТОНОВНА. – Зачем ты так, Аркадий? Ведь было же и без инстинктов, вспомни.

АРКАША. – Да уж лучше я не буду вспоминать. Задолбало оно меня...без инстинктов-то.

АННА АНТОНОВНА. – Фу! Самец!

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Каждый из вас по своему прав...

ПРОКОПЬИЧ. – Пидарасы!

АРКАША. – Да что ж такое! Нет, надо этому пепельному все же дать пару маклявок.

БОРИС (*улыбаясь*). – Ты поосторожнее с этими делами. А то Прокопьяч сейчас невесту что себе напридумает. Маклявок! В ЗАБВО служил?

АРКАША. – Нет. В Карелии.

БОРИС. – Значит, одинаково в войсках подзатыльники шифровались. Я это название в Чите впервые услышал.

АРКАША. – А попробовал где?

БОРИС (*смеется*). – Да там же и попробовал.

АРКАША. – Танкист?

БОРИС.- А как же!

АРКАША. – Ну, это толково. Я тоже танкист. У нас в Заонежье поселок был, так там какого пацана не спросишь, кто твой батя, так каждый отвечал : « Дембель! Танкист!»

БОРИС (*загораясь*). – А вот у нас в полку библиотечка была...

ВАЛЯ (*смотрит на него пристально*). – Ну, ну. Библиотечка. И что библиотечка?

БОРИС (*он погас*). - Да ничего. Так, середняк. Даже не читала того, что у нее на полках стояло.

ВАСЕК. – Главное – то не на полках, наверное, стояло.

НИНА. – Пошлятина. Ребята, а покажите – ка мне, что это за маклявки.

АРКАША. – На ком? Не на тебе же.

НИНА. – Не на мне. На нем вот.

Она показывает на Ваську. Тот бурно возмущается.

ВАСЕК. – Нинка! Совсем страх потеряла! Счас опять получишь!

Васек подходит к Нине, но тут все опять бросаются на него. Проверяющие, стоявшие до этого момента молча и индифферентно, обе, как по команде, начинают что-то записывать в свои блокноты.

НИНА. – Да перестаньте вы писать. Я за него скоро замуж выхожу.

АННА АНТОНОВНА. – Ну, вот когда выйдете...

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – А пока вы на территории общежития университета. И не расписаны, если что. Извольте соблюдать.

ПРОКОПЬИЧ. – Институт брака уже изжил себя. Ученые из Кэмбриджа...

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*испуганно*). – Что?! Кто?!

АННА АНТОНОВНА. - У него тоже культурный шок. Потрепали парнишку-то. Вот и несет, что попало.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*успокоено*). – А. Ну, так то, да. Ну что. Не, ну а то как его к нам брать.

АННА АНТОНОВНА. – Да вот так и брать. А иначе как узнаешь, что у этих пепельных за душой. (смеется) Проверка боем.

АРКАША. – Обычно бывают разведки боем.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Главное – что боем (*облизывает губы*) Это наш основной формат...в рейде. Обожаю...

АННА АНТОНОВНА. – Так, Марья Васильевна. Спокойно. А то, не ровен час, опять заведетесь.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – А что? И заведусь. Когда еще такой удачный рейд будет?

АРКАША. – Э,э,э...Спокойно, женщины. Удачный рейд...Кто из нас в войсках был, спрашивается?

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – А жаль, что не мы.

АННА АНТОНОВНА (*хохочет*). – Если б мы там были...то уже бы этого ДАБВО не было.

БОРИС (*усмехается*). – Кто бы сомневался. ЗАБВО. Забайкальский военный округ.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Вот, вот. Уже был бы не округ. Уже был бы параллелле...параллеллипи...

АННА АНТОНОВНА. – Пед. Ладно, пошутили, и хватит. Пора работать.

ПРОКОПЬИЧ. – Работать! И мне тем же самым предлагаете заняться.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА. – Не только этим. Но что - то вы, милый, всем недовольны. Как бы вам , действительно, стриженным не стать. Рядовым, стриженным, необученным. Как перспективка, а? То-то же. Все, двигаем дальше. Заговорились...

АННА АНТОНОВНА. – Ну, не скажите. Пепельный...

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*решительно*). – Все, все, все, коллега. Впереди много работы, а время идет. Может, еще где кого – нибудь, такого...пепельного...встретим.

Женщины уходят. В дверях опять осторожно появляется физиономия Чувачка.

ЧУВАЧОК. – Ушли демоницы?

АРКАША. – Заходи, сачок. Везде отлыниваешь, я смотрю. А вот такие вот (*он кивает на продолжающего лежать лицом в подушку Прокопья*), за тебя отдуваются.

ЧУВАЧОК (*садится на кровать*). – В каком смысле – отдуваются?

АРКАША. – Да в прямом...в таком прямом, что прямее некуда.

ЧУВАЧОК. – Какой-то туманный смысл. Я не понимаю.

НИНА.- А счас поймешь. Попался, который кусался!

ЧУВАЧОК. – Нин. Перестань.

НИНА. – Нет, ты попробуешь тело русской красавицы. Забудешь про своих продажных Ерофеевых. Поймешь, наконец, в чем русская самоидентификация.

ЧУВАЧОК. – Самоидентификация.

НИНА.- Ага. Поправлять, значит. Ну, держись, гриб ученый.

Нина направляется к Чувачку. Тот вскакивает, но в этот момент в комнату заходит возбужденный Коля.

КОЛЯ. – Ну че вы сидите! Счас все пропустите!

Все, разом : «Что пропустим?»

КОЛЯ. – Да там эти две озабоченные. Проверяющие, Ромашку - красавчика со второго курса прижали. Дым столбом стоит!

Все убегают из комнаты. Лишь Прокопьяч остается лежать ничком. Но вот и он садится, оглядывается.

ПРОКОПЬИЧ. – Ушли. Наконец-то. Неужели успею почитать лекции по истории марксизма-ленинизма? Аж не верится. А то ведь неуд, и прощай красный диплом. Одно неверное движение...Да. Да, да, да...Подожди, а что это за Ромашка? Боже, так это ведь Рома со второго курса! Рома! Он мне уже год снится! И я так спокойно буду читать лекции? Да. С другой стороны, что я могу? (*задумчиво, грустно, трагически*) Рома, Рома. Проклятый обком!

КОНЕЦ

.

.